

О НЕКОТОРЫХ ОПАСНЫХ АСПЕКТАХ ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ШКОЛА»

Четверикова Ольга Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, директор Центра исследований духовной культуры и идеологии Института фундаментальных и прикладных исследований АНО ВО «Московский гуманитарный университет», Москва, e-mail: Olga-Chetverikova@mail.ru

В статье показано, что в настоящее время в сфере образования создана достаточно сложная ситуация, связанная с внедрением проекта «Цифровая школа». Эти сложности определяются принципиальной переструктуризацией школы в России — как по её форме, так и по содержанию. Переход на электронное обучение в качестве результата имеет не повышение уровня образования у учащихся, но, напротив, задержку развития, утрату навыков письма, снижение уровня понимания и запоминания материала, снижение способности к концентрации внимания. Все эти особенности свидетельствуют о необходимости обсуждения широкой общественностью содержания проекта «Цифровая школа».

Ключевые слова: цифровая школа, компьютер, электронная школа, онлайн-обучение, онлайн-платформа, дистанционное образование.

Сегодня мы являемся свидетелями глубокой трансформации Российского образования, осуществляемой в соответствии с форсайт-проектом «Образование 2030», конечная цель которого — «слом-ликвидация традиционных моделей образовательной системы» и замена их цифровым обучением [2, 3, 7, 11]. Проблема заключается в том, что широкая общественность так и не была ознакомлена с этим проектом и об отдельных его направлениях и идеях узнавала только по мере их реализации. Делалось это постепенно и **негласно**, пока, наконец, в 2016 г. не было объявлено о введении пилотного проекта «Московская электронная школа» (МЭШ) в нескольких учебных заведениях столицы, который затем распространили на все школы города.

Осенью 2017 г., с началом перехода к программе «цифровая экономика», стало ясно, что МЭШ — это готовая структура для продвижения более широкого проекта под названием «Российская электронная школа» (РЭШ). А в декабре того же



года на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам премьер-министр Д. Медведев заявил о запуске проекта «Цифровая школа», предполагающего внедрение цифровых технологий со школьного периода, оснащение каждой школы высокоскоростным интернетом и создание условий для дистанционного обучения и онлайн-образования.

Тогда же министр образования и науки О. Васильева указала, что данный проект будет реализован в рамках большого проекта «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС). Однако о нём широкая общественность также не была осведомлена, хотя его рабочий паспорт был утверждён президиумом Совета при Президенте РФ ещё в декабре 2016 г. И в соответствии с ним к 2025 г. необходимо создать систему обучения для всех уровней образования с помощью дистанционных курсов, которая охватит 11 млн человек. Это пространство должно содержать информационный ресурс (портал) для всех категорий граждан, который будет интегрирован с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА). Спланировано также обеспечить хранение и передачу в электронном виде информации об образовательных достижениях учащихся — так называемое цифровое портфолио. Подчеркнув, что «Цифровая школа» — это один

из самых масштабных проектов в нашей образовательной сфере за последние годы, О. Васильева выделила три момента. Во-первых, цифровое образование потребует содержательных изменений и должно войти во все предметные сферы; во-вторых, материально-техническое оснащение потребует больших затрат, так как охватит 42 тыс. школ; в-третьих, необходимо подготовить и переподготовить педагогов, поскольку только 30–40% педагогов могут легко общаться с новым инструментарием. При этом она подчеркнула, что самое важное — это контент (содержание), а потом уже техническое оснащение и обучение преподавателей.

В марте 2018 г. Минобрнауки разработал рабочую версию паспорта проекта «Цифровая школа», с которым опять же общественность не была ознакомлена. Но стало известно, что по плану, к декабрю 2020 г. планируется внедрить «цифровые учебно-методические комплексы» по 11 предметам, а также по 40 дисциплинам дополнительного и профильного образования в основной и старшей школе, которые должны «частично или полностью» заменить традиционные бумажные учебники. У учеников будут «сертифицированные в установленном порядке устройства персонального доступа», дети смогут дистанционно участвовать в уроке при нетяжёлом заболевании. Проект направлен на создание

индивидуальных траекторий обучения, и по итогам окончания школы выпускники должны использовать для поступления в средние и высшие учебные заведения цифровые образовательные портфолио.

Все указанные шаги стали основой для нынешнего этапа цифровизации — большого национального проекта «Образование», о котором стало известно из выступления О. Васильевой перед учителями Хакасии в июле 2018 г. По её заявлению, он «сыграет системообразующую роль, и регионы должны будут привести в соответствие с ним свои отраслевые программы развития образования» [9]. По словам Т. Голиковой, на реализацию проекта, рассчитанного до 2024 г., будет потрачено 674 млрд рублей.

Паспорт этого проекта был утверждён президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 3 сентября 2018 г. (протокол № 10) [10]. В его структуру вошли следующие 10 федеральных проектов, среди которых нужно выделить следующие:

- «Современная школа» — введение новых методов обучения и образовательных технологий, обновление образовательных программ, внедрение новой системы оценок на основе международных исследований, внесение изменений в отраслевое законодательство, в том числе в части права привлечения в общеобразова-
- зовательные организации специалистов из других сфер, т.е. без педагогического образования, и т.д.;
- «Успех каждого ребёнка» — внедрение механизмов обучения детей по индивидуальным планам, предусматривающих снятие правовых и административных барьеров для реализации образовательных программ в сетевой форме, ранней профориентации и индивидуальному учебному плану;
- «Цифровая образовательная среда» (ЦОС) — создание к 2024 г. «безопасной цифровой образовательной среды», Центра цифровой трансформации образования, профиля «цифровых компетенций» для учащихся, педагогов и административно-управленческого персонала, индивидуальных учебных планов (с правом зачёта результатов прохождения онлайн-курсов); оптимизация деятельности образовательных учреждений; перевод отчётности их деятельности в электронный вид и её автоматическое формирование; и т.д.;
- «Учитель будущего» — внедрение **единых оценочных требований и стандартов для учителей и система карьерного роста**, учитывающая достижения педагога (не менее половины учителей должны пройти переподготовку); обновление содержания программ повышения квалификации;



введение системы аттестации руководителей общеобразовательных учреждений;

- «Новые возможности каждого» — система непрерывного обновления профессиональных знаний и приобретение новых навыков, включая компетенции в области цифровой экономики; внедрение интеграционной платформы непрерывного образования;
- «Экспорт образования» — обеспечивает преемственность с проектами «Вузы как центры пространства создания инноваций» и «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Увеличение не менее чем в 2 раза учащихся-иностранцев и трудоустройство лучших в РФ; формирование модели поддержки экспорта образования; расширение количества университетов и образовательных программ, прошедших международную аккредитацию.

Всё это означает, что на уроках школьники, начиная с младших классов, должны пользоваться индивидуальными планшетами или смартфонами, связываясь через Интернет с интерактивной доской в классе, заполнять в них тесты, читать электронные учебники, «посещать» виртуальные экскурсии, пользоваться виртуальными лабораториями, электронными библиотеками и даже обучающими ком-

пьютерными играми. Каждый урок должен быть подготовлен учителем в электронном виде, и под видом избавления учителей от рутинной работы вводится также автоматизированная проверка письменных работ, при которой проводить срез знаний с автоматическим выставлением оценки в электронный журнал должен компьютер. Учитель же будет тьютором, или «наставником, направляющим и ориентирующим детей в цифровом образовательном пространстве».

Показательно, что хотя проект «Образование» стартовал в январе 2019 г., с ним до сих пор детально знакома только пятая часть учителей, а половина знает о нём только в общих чертах и считает, что он нацелен главным образом на повышение их зарплат. При этом новая форма аттестации педагогов вызывает у них большие опасения, так как они не уверены, что смогут продемонстрировать необходимые компетенции [5].

Это лишний раз свидетельствует о том, что проект «Цифровая школа» разрабатывался келейно и без разъяснения стратегических целей, задачи реального содержания перестройки системы обучения. И это понятно: перестройка настолько радикальна, что её не приняло бы подавляющее большинство педагогов. Более того, начавшееся в последнее время обсуждение проблемы внедрения цифровых образовательных технологий, в котором участвуют

специалисты различного профиля (педагоги, психологи, медики, юристы и др.), выявляет всё больше негативных и опасных для детей аспектов электронного обучения, которые стараются скрыть лоббисты «Цифровой школы». Поэтому, так и не допустив широкого обсуждения этого проекта, они пошли на подготовку его ускоренной легализации путём введения нового федерального образовательного стандарта (ФГОС), проект которого был опубликован в сентябре 2019 г.

В стандарте с помощью соответствующих гибких формулировок вводятся основные положения МЭШ и РЭШ, среди которых: использование школьниками Интернета и соцсетей; введение различных методик обучения и методов оценки знаний (т.е. возможность отказа от экзаменов); расширение возможностей личного образовательного маршрута (т.е. введение индивидуальной траектории развития); утверждение новой должности тьютора, и многое другое. Прописанные в стандарте новшества свидетельствуют о том, что он является частью большого цифрового и психосоциального экспериментального проекта, представляющего большую опасность для наших детей. Особенно важно выделить следующие угрозы.

Во-первых, проект «Цифровая школа», ликвидируя традиционное педагогическое наследие и всю систему передачи фундаментальных знаний, ведёт к явной умственной

и интеллектуальной деградации молодёжи и детей. Именно поэтому от нас скрывают, что как раз тогда, когда в России вводят электронное образование, на Западе идёт широкое обсуждение разрушительных последствий действия электронных школ, которые существуют там уже несколько лет.

Показательным является исследование последствий использования цифровых технологий, проведённое ОЭСР в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) в 2012 и 2015 гг., результаты которого были опубликованы в докладе «Учащиеся и новые технологии», не афишированный в силу того, что он стал настоящей бомбой для сторонников оцифровки образования [16].

Сравнив уровень информатизации обучения школьников с уровнем их математических знаний и понимания написанного текста, авторы пришли к выводу, что в течение последних 10 лет те страны, которые согласились на крупные инвестиции в информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере образования, **не зафиксировали ни одного заметного улучшения результатов среди учеников в понимании написанного, в математике и в науках.** Оцифровка школ не делает их более эффективными — напротив. В заключение доклада указано: «В среднем в странах ОЭСР самый высокий уровень использования



(информационных технологий) связан со значительно слабыми результатами». Те ученики, которые активно используют компьютеры в школе, показывают «намного слабые результаты в понимании написанного». Начиная с определённого уровня использования компьютера или гаджета, они перестают понимать то, что было написано выше.

Доклад показал, что эффективные образовательные системы находятся в тех странах, где ученики наименее «подключены» к ИКТ. Опасная ситуация сложилась, например, во Франции, где при президенте Франсуа Олланде в 2015 г. была также запущена программа электронной школы, которая вызвала серьёзную критику общественности.

Данные вопросы глубоко и всесторонне рассмотрены в книге французских исследователей Ф. Биуи и К. Мовилли *«Катастрофа цифровой школы. В защиту школы без экранов»*. Как пишут авторы, проблемы цифровой школы имеют педагогические, санитарные, общественные и экологические аспекты. И с точки зрения педагогической, ещё не было проведено исследований, доказывающих положительные последствия применения этих технологий и их позитивного влияния на процесс обучения. **Каждый аргумент сторонников цифровой школы может быть опровергнут.** Имеющиеся результаты показывают, что электронная система совер-

шенно явно проигрывает традиционной системе обучения и ведёт к деградации умственных способностей, задержке речевого развития, частичной утрате навыков письма, падению уровня запоминания и способности концентрации внимания (которая сегодня переживает кризис), снижению качественных характеристик психофизиологического состояния, т.е. ко всему тому, что характерно для состояния «цифрового слабоумия». Поскольку компьютер увлекает, но не учит, цифровую школу можно определить как иррациональный педагогический выбор и растрату редких ресурсов [15].

О том же пишет М. Шпитцер, указывающий, что нет никаких независимых исследований, бесспорно доказывающих, что обучение стало более эффективным благодаря внедрению в школах компьютеров и смартбордов: «В течение 15 лет в солидных специализированных журналах публикуются аналитические статьи серьёзных авторов о том, что доказательств положительного влияния компьютеров на обучение в школе **не существует**. Так, известный американский публицист Тодд Оппенхаймер ещё в 1997 г. написал об этом в своей знаменитой книге *«Компьютерные заблуждения»* (*The Computer Delusion*). А отсутствие положительного влияния Интернета на образование исследователи уже давно называют специальным термином — парадоксом Интернета»

[12]. Шпитцер подчеркнул, что те имеющиеся публикации экспертов, которые призваны подтвердить успешность школьного обучения с помощью компьютера, проводились по инициативе и на средства компьютерной промышленности и телефонных компаний [12].

Напротив, американских исследований, доказывающих отрицательное влияние информационных технологий на образование и в частности на успеваемость, существует немало. Так, исследования, проведённые ещё в начале 2000-х годов в десяти школах в штатах Калифорния и Мейн, не продемонстрировали никакого положительного влияния школьных ноутбуков на успеваемость. Те же результаты показал эксперимент, проведённый в тexasских школах. О том, что приобретение ноутбука и подключение к Интернету ведут к ухудшению успеваемости в школе, свидетельствуют и результаты анализа, сделанного в 2010 г. учёными из Национального бюро экономических исследований в Кембридже (штат Массачусетс), являющегося признанным центром экспериментальных исследований в области общественных наук.

Во-вторых, проект «Цифровая школа» представляет собой нарушение Конституции РФ, ст. 17, которая признаёт и гарантирует «равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имуществен-

ного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам **социальной**, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Дело в том, что, вводя индивидуальные «цифровые профили компетенций» или «цифровое досье» на человека и заменяя систему оценки знаний оценками личностей и рейтингами, данный проект создаёт систему тотального электронного контроля, при котором каждый поступок учеников и педагогов будет отслеживаться и учитываться при определении его дальнейшей судьбы, так как изменить что-то в электронном досье будет невозможно. Тем самым создаются условия для перехода к кастовой системе организации общества, при которой индивидуальный правовой статус будет определять соответствующую правосубъектность, а преимуществами станут пользоваться «лояльные» и «одарённые» члены общества (по аналогии с «социальным рейтингом», уже практикующимся в Китае).

Фактически «индивидуальная траектория развития» с её новыми оценками личности воспроизводит систему селекции и отбора, разработанную в рамках пилотной программы «Модернизация детского



движения Забайкальского края» ещё в 2015 г. Эта откровенно евгеническая программа не была допущена к реализации в силу родительского сопротивления, тогда её решили реализовать в завуалированной форме в «Цифровой школе». Её ключевая идея заключается в том, что обучение представляет собой педагогическое производство, превращающее ребёнка в «человеческий капитал», формирование которого осуществляется в соответствии с ранним отбором по четырём категориям-кастам: промышленный пролетариат, сельскохозяйственный рабочий, обслуживающий персонал и креативный класс. Ребёнок автоматически заносится в определённый класс, не имея возможности переходить в другие категории. Всё — на потребу корпоративному бизнесу.

И хотя в системе «индивидуальных траекторий» деление на касты не прописано, ясно, что она предопределяет совершенно чёткую социальную селекцию. Это предполагает форсайт-проект «Образование 2030», прописавший, что в ближайшие 7–10 лет будут происходить сегментация и расслоение образовательной системы, увеличение разрыва между «элитарными» и «отстающими» учебными учреждениями, вплоть до возникновения школ и вузов, выполняющих преимущественную роль «институтов призрения», «камер хранения для детей». Государство будет постепенно выхо-

дить из образовательной сферы с сохранением лишь двух функций: удержания «базового уровня» (в логике социальной безопасности) и поддержки ограниченного числа «точек прорыва».

В-третьих, «Цифровая школа» — это эффективный механизм вовлечения детей в социальные сети и формирования интернет-зависимости.

Погружение в интернет-пространство облегчает использование новых методов обучения с применением мистической лексики и нейролингвистического программирования (особенно на базе так называемых экспериментальных педагогических площадок), с помощью которых осуществляется тоталитарное воздействие на личность. Будучи заимствованными из методик и психотехник оккультных движений, они замещают образование тренингами, зомбированием, программированием и кодированием, что делает молодёжь уязвимой для воздействия и психологической вербовки со стороны различного рода экстремистских, тоталитарных сообществ и сект как российского, так и зарубежного происхождения.

Так, летом 2018 г. стартовал II Всероссийский конкурс видеороликов для старшеклассников и студентов «*Права человека глазами молодёжи*», приуроченный к 70-летию Всеобщей декларации прав человека. Конкурс запустила Академия инновационного образования и развития

(Москва), однако его инициатором и официальным соорганизатором выступило движение «Молодёжь за права человека», которое является одним из многочисленных ответвлений церкви сайентологии, её московское и Санкт-Петербургское отделения запрещены по суду, а литература занесена в список экстремистских материалов в РФ [11].

Особую опасность в этом плане представляет создающаяся в рамках МЭШ и РЭШ электронная (виртуальная) библиотека. Если на первом этапе её создавали методисты Московского методического центра, а затем открыли для всех учителей, которые могут создавать свои сценарии уроков, то с конца 2017 г. главным новшеством стали интерактивные приложения, представляющие собой мини-игры, игрушки, их создателями могут выступать любые люди и компании, т.е. любые внешние разработчики. К созданию контента для МЭШ активно подключился и бизнес. Сейчас в электронной библиотеке размещено более 7 тыс. интерактивных приложений. Скоро будет открыт и развлекательный раздел, куда смогут войти все школьники, чтобы общаться, участвовать в конкурсах, слушать музыку, смотреть фотографии, видео, получать призы и собирать лайки. Контролировать это родители уже не смогут.

Показательным в этом плане является открытый для популяризации МЭШ среди учеников средней

и старшей школы новый проект «Школа умного города». В его рамках детям были прочитаны лекции об искусственном интеллекте, кибербезопасности, голограммах, Интернете вещей и профессиях будущего, а лекторами стали топ-менеджеры и ведущие специалисты всё тех же крупных компаний из самых технологичных отраслей — Samsung, IBM, Cisco, BI.ZONE и DELL. Демонстрируемые в рамках этих выступлений презентации и видео опять же погружают детей в виртуальное пространство, приучая к игровому восприятию действительности.

Вот что пишет по этому поводу уже цитированная нами врач Е. Кулебякина: «Многие с настороженностью воспринимают подобный “прогресс”, и не зря. Конечно, не страшно, если бумажный учебник будет записан на “флэшку”, но электронное устройство, открывающее его, будет подключено к ГИС (Государственной информационной системе), а значит, иметь выход в Интернет. Справятся ли школьники с соблазном воспользоваться Интернетом вместо урока? ...Вспомните, какая беда всё больше поражает наших неглупых интернет-продвинутых детей? Интернет-зависимость. Всё чаще приходится сталкиваться с жалобами родителей, что ребёнок не хочет общаться со сверстниками, а потом и с родными, всё свободное время (а также и время, которое должно



быть потрачено на учёбу) проводит в соцсетях, отстраняется от жизни своей семьи, становится всё более безразличным, эмоционально холодным, нарушается взаимопонимание» [6].

Между тем в силу того, что социальные сети и поисковики не несут ответственности за распространение и хранение контента, каким бы грязным и вредным он ни был, различного рода оккультные, экстремистские и сектантские организации получают возможность устанавливать контроль над сознанием детей и давать им соответствующие установки, которые те принимают в силу глубокой погружённости в виртуальный мир. Наиболее показательным тут стал пример с лавинообразным распространением в России «групп смерти» и депрессивных сообществ в соцсетях, произошедшим в 2016 г., в результате которого число самоубийств в этом году выросло на 57% по сравнению с прошлым и составило 720 человек [1].

Связи влияния Интернета с ростом детских суицидов посвящены многочисленные исследования российских учёных (в частности, кандидата медицинских наук В.В. Новикова), которые делают следующий вывод [5]. Анализ контента и особенностей функционирования так называемых групп смерти показал их сходство с деструктивными культовыми новообразованиями, а именно наличие признаков

реформирования мышления и внушения. Подобное воздействие можно оценить как вид информационно-психологического терроризма, поскольку его основные признаки присутствуют в деятельности указанных групп. Среди них — то, что объектом воздействия являются сознательно-волевые компоненты личности, а целью — изменение или формирование новых стереотипов мышления, направленных на модификацию поведения в заданных рамках. При такой «промывке» утрачивается связь с реальностью, факты и вымыслы переплетаются и меняются местами, снижается критичность к восприятию новых людей, и человек с лёгкостью их принимает.

С учётом всего вышесказанного деятельность указанных групп возможно определить как гибридный информационно-психологический терроризм, поскольку в данном случае террористическая группа в традиционном понимании отсутствует, но её роль начинают выполнять администраторы, «кураторы», а сейчас и «игроки», состоящие в «суицидальных группах». Таковы выводы учёных.

Понятно, что расширение влияния указанных сообществ оказывается возможным именно в силу изменения сознания детей из-за растущей интернет-зависимости. Тут всё взаимосвязано. С одной стороны, информационные технологии ведут к «цифровому слабоумию»,

а с другой — именно в силу «цифрового слабоумия» дети оказываются всё более зависимыми от смартфонов и гаджетов.

Многие учёные уже открыто называют смартфоны и айпады «цифровым наркотиком». И это не фигуральное выражение. Как пишет известный американский нарколог Н. Кардарас¹, недавние исследования сканов мозга показали, что эти технологии влияют на лобную долю коры головного мозга так же, как кокаин (эти зоны, напомним, отвечают за внимание, кратковременную память). Данные технологии так сильно возбуждают мозговую деятельность, что в организме повышается уровень дофамина — нейротрансмиттера, отвечающего за чувство радости, вознаграждение и участвующего в формировании зависимости. Из-за этого эффекта американский доктор, директор факультета неврологии Калифорнийского университета П. Вайбрау считает экраны «электронным кокаином», а доктор Э. Доан, руководитель отдела исследований наркотической зависимости для Пентагона и флота США, называет игры и гаджеты «цифровой фармакопеей». Китайские же иссле-

дователи называют их «цифровым героином» [13].

Единственный путь излечения от цифровых токсинов — это детоксикация, т.е. освобождение детей от компьютеров, смартфонов и планшетов. Но в условиях внедрения «Цифровой школы» это не только оказывается невозможным, но будет рассматриваться как асоциальное поведение, и сидящий весь день за планшетом по долгу учёбы ребёнок будет впадать всё в большую зависимость от экрана. Таким образом, с помощью электронного обучения родителей фактически обязывают сажать своих детей на цифровую наркотическую иглу.

Опять же иначе, как преступлением против детей, назвать такое деяние лоббистов-цифровиков нельзя. Тем более когда они открыто говорят о том, что геймификация (использование игрового мышления и динамики игр для вовлечения аудитории и решения задач) должна стать важнейшим инструментом обучения.

Мы рассмотрели только некоторые опасные аспекты проекта «Цифровая школа», который несёт в себе и другие угрозы. В комплексе они позволяют рассматривать его как диверсию против российского образования и преступление против наших детей. Это антинациональный, направленный против интересов общества проект, реализация которого категорически недопустима.

¹ Доктор Николас Кардарас — исполнительный директор одного из самых престижных центров реабилитации The Dunes East Hampton и бывший клинический профессор в медицинском центре Стони Брук. Недавно вышла в свет его книга «Дети света: как зависимость от экранов захватывает наших детей и как прервать транс».



Литература

1. *Бакланов А.* В России число детских самоубийств выросло на 57 процентов. — URL: <https://snob.ru/selected/entry/121991>
2. Карта «Образования 2030». Агентство стратегических инициатив. — URL: <file:///C:/Users/zeron/Desktop/старый%20компьютер/форсайт%20образование%202035.pdf> Будущее образования: глобальная повестка. — URL: <http://map.edu2035.org/attachments/7/a52816a4-8139-412c-809f-74ad18ca5292.pdf>
3. *Костенко Я.* Перемена для учителя: педагоги мало знакомы с «Образованием». — URL: <https://iz.ru/928782/iaroslava-kostenko/peremena-dlia-uchitelia-pedagogi-malo-znakomy-s-obrazovaniem?>
4. *Кулебякина Е.* Риски цифровизации. — URL: <http://www.russsdom.ru/node/10801>
5. *Новиков В.В.* Гибридный информационно-психологический терроризм — «группы смерти». — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30298143>
6. Образование 2030: Дорожные карты будущего. Результаты первого российского этапа исследования. Опубликовано 19 мая 2011 г. — URL: <http://www.slideshare.net/MetaverMedia/2030-8031807> (дата обращения: 20.05.2018).
7. Ольга Васильева раскрыла подробности проекта «Образование». — URL: <http://obrazovp.cap.ru/news/2018/07/31/oljga-vasiljeva-raskrila-podrobnosti-proekta-obra>
8. Паспорт национального проекта «Образование». — URL: <http://www.econom22.ru/pnp/natsionalnye-proekty-programmy>
9. Секту сайентологов поймали на проникновении в российские школы. — URL <http://katyusha.org/view?id=10336>
10. Форсайт-Флот 2013: Содержательные итоги и ключевые выводы. — URL: <https://asi.ru/news/11791/> (дата обращения: 15.06.2018).
11. Цифровой героин: как экраны превращают детей в психотических наркоманов. — URL: <https://narasputye.ru/archives/3962>
12. *Шнитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг. — М.: АСТ, 2012.
13. *Bihouix Ph., Mauvilly K.* Le désastre de l'école numérique. Plaidoyer pour une école sans écrans. — Paris: Éditions du Seuil, 2016. — P. 35.
14. OCDE/Pisa. Connectés pour apprendre? Les élèves et les nouvelles technologies. 2015. — URL: <http://www.oecd.org/fr/education/scolaire/Connectes-pour-apprendre-les-eleves-et-les-nouvelles-technologies-principaux-resultats.pdf>